

УДК 81'26

ББК 81.2

DOI 10.51955/2312-1327_2021_4_64

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ПОДДАННЫЙ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ИСТОРИЗМ В РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ИНТЕРТЕКСТЕ

*Дарья Михайловна Татаурова,
orcid.org/0000-0001-9064-8705,
аспирант кафедры романо-германской филологии
института филологии, иностранных языков
и межкультурной коммуникации
Иркутский государственный университет,
ул. Карла Маркса, 1
Иркутск, 664025, Россия
darya.tataurova@mail.ru*

Аннотация. В статье был произведён лингвокогнитивный анализ специального концепта ПОДДАННЫЙ, являющегося одной из базовых составляющих Свода Основных Законов Российской Империи как претекстуальной основы российского конституционного интертекста. Дано определение конституционного интертекста, понимаемого в виде постоянно подвергающегося модификациям синтетического продукта правовых и политических дискурсивных категорий. Специальный концепт ПОДДАННЫЙ можно охарактеризовать как дискурсивного предшественника своего современного квазисинонима – понятия ГРАЖДАНИН. Термин «подданный» представлен в виде родовой знаковой единицы, отражающей политико-правовую картину мира языкового сообщества на период существования Российской Империи и характеризующейся ввиду этого лексико-семантическим компонентом «подчинение монарху». Сложная структура лингвокогнитивной категории, соотносящейся с изучаемым термином, представлена с помощью прототипического подхода, позволяющего выделить её составляющие и определить их статус. Категория ПОДДАННЫЙ включает в себя несколько одноимённых гипонимов, репрезентирующих разновидности статуса субъекта относительно государства, определённого набором его прав и обязанностей как следствием актуализации объективных факторов и рода деятельности. Разнообразие элементов, охватываемых понятием ПОДДАННЫЙ, позволяет охарактеризовать соответствующий ей термин как многозначный.

Ключевые слова: подданный, интертекст, конституционный интертекст, сигнификат, сигнификативный признак, референт, прототипический подход.

THE SPECIAL CONCEPT ПОДДАННЫЙ [SUBJECT] AS A DISCOURSIVE HISTORISM OF RUSSIAN CONSTITUTIONAL INTERTEXT

*Darya M. Tataurova,
orcid.org/0000-0001-9064-8705,
Post-graduate Student,
Department of Romance and Germanic Philology,
Institute of Philology, Foreign Languages
and Media Communication
Irkutsk State University,
1, Karl Marx
Irkutsk, 664025, Russia
darya.tataurova@mail.ru*

Abstract. In the article analysis of a special concept ПОДДАННЫЙ was provided. The concept is considered as one of the basic parts of the Fundamental Laws of the Russian Empire that is a pretextual base of Russian constitutional intertext. This type of intertext is viewed as a constantly modified synthetic product, which includes legal and political discursive categories. The concept ПОДДАННЫЙ [SUBJECT] is a discursive predecessor of its modern quasisynonym ГРАЖДАНИН [CITIZEN]. The term «подданный» is a hyperonym reflecting political and law linguistic picture of the world during the historical period of the Russian Empire and characterized by lexico-semantic element «allegiance». A complicated structure of the lingvocognitive category correlating with the term given is studied by means of prototypical approach that makes possible to determine components and their position. Category ПОДДАННЫЙ includes several hyponyms with the same name reflecting the variety of a political and law status of a person. This variety allows to describe the correlating term as a polysemic one.

Key words: subject, intertext, constitutional intertext, significatum, significative feature, referent, prototypical approach.

Introduction (Введение)

Конституционный интертекст может быть определён как тип институционального интертекста, актуализирующий понятия и категории политического и юридического дискурсов, интегрированные в особом комплексном жанре Основного Закона.

Рассматриваемый тип интертекста подлежит изменениям по причине преобразований политико-правовой картины мира граждан того или иного государства, обусловленной эволюцией устройства последнего, и, таким образом, воспроизводит класс предшествующих официальных документов (ранних версий национальных конституций и связанных с ними законодательных актов) как своих референтных источников. Эти источники, или претексты, являются основой генерации конституционного интертекста, включающего их фрагменты в виде цитат различного объема, сложности, а также понятийной и терминологической идентичности [Литвиненко, 2011; Литвиненко, 2012]. Цитирование позволяет эксплицировать преемственность и целостность правовых реалий [Крапивкина, 2014].

Из этого следует, что основная функция конституционного интертекста заключается в сохранении и передаче политико-правового знания, а также в кодификации вновь введённой юридической информации о взаимодействии субъектов права и государства [Литвиненко, 2011; Литвиненко, 2012].

Важнейшими средствами для осуществления указанной базовой функции являются понятия ПОДДАНСТВО и ГРАЖДАНСТВО, онтологизируемые в интертексте Конституции с помощью субъектно-направленных специальных концептов ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН.

Materials and methods (Материалы и методы).

Для анализа данных понятий и категорий нами использовался прототипический подход, где лингвокогнитивные единицы представлены как неравноправные члены одного класса, выделенного на основании соответствия прототипу как его центру или «лучшему/самому типичному» образцу с эталонным сигнификатом. Благодаря данному подходу возможно описать и изучить весь набор единиц, которые функционируют в рамках данной структуры, при этом не исключая её периферийных членов, которые не совпадают с прототипом по тем или иным параметрам [Rosch, 1975; Lakoff, 1987; Болдырев, 2001; Кубрякова, 2004].

Специальные концепты ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН репрезентируют правовой статус человека, который ввиду определённых факторов не может быть равным у всех людей, состоящих в отношениях с государством, что ведёт к многоаспектности и вариативности семантики данных концептов. При их представлении в виде лингвокогнитивных структур сигнификат детерминируется как набор обязанностей и прав субъекта; в то время как прототипический сигнификат определяется признаками, которые репрезентируют привилегированное социальное и политико-правовое положение человека. Отсутствие какого-либо прототипического признака либо его неполная выраженность ограничивает местоположение единицы периферийным сегментом категории, но не исключает элемент из общего класса, так как при лимитированной совокупности прав и свобод её референт всё равно остаётся гражданином или подданным данного государства.

Деление рассматриваемых когнитивных структур на несколько кластеров служит фактором, приводящим к возникновению многозначности соответствующих им терминов; а постоянные преобразования их ядра и периферии и сигнификативного состава с сохранением стабильности общего принципа организации на каждом уровне развития конституционного интертекста говорят о видоизменении содержания специальных концептов ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН.

В рамках интертекстуального анализа понятие ПОДДАННЫЙ и его имя, номинирующее ключевой субъект политико-юридических отношений в государстве, могут быть признаны дискурсивными историзмами по отношению к понятию ГРАЖДАНИН и термину «гражданин». Сравнение данных понятий между собой показывает, что их дискурсивная синонимия детерминируется общим семантическим компонентом «политико-правовая связь с государством», который в первом случае соотнесён с подчинением монарху, а во втором – с республиканским политическим строем. Варьирующаяся часть сигнификата для каждого отдельного репрезентанта указанных понятийных категорий эксплицирует набор прав, свобод и обязанностей, декларированных Основным Законом как интертекстом и претекстом, что определяет понятия

ПОДДАННЫЙ и ГРАЖДАНИН как исторические квазисинонимы, поскольку даже при имеющихся существенных общих признаках, наличие у имени «подданный» семантического компонента «подчинение государству в лице монарха» свидетельствует об их значительном терминологическом различии. Ср., в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля «ПОДДАННЫЙ» – «подчиненный, подвластный, подведомый правительству, государю»; «подданство» же определяется как «состоянье подданного» [Даль, 1882, Т. 3, С. 173].

Анализ понятия ПОДДАННЫЙ как единицы конституционного интертекста позволяет рассмотреть истоки эволюции когнитивной структуры, соотносящейся с современным специальным концептом ГРАЖДАНИН. С этой целью в качестве материала нами рассматривается «Свод законов Российской Империи» как первый полноценный вариант Основного Закона России, который обладает всеми характеристиками конституционного текста: статусом юридического документа и чертами политического дискурса, институциональное авторство которого принадлежит органу государственной власти, а значит, выполняет роль претекста для российского конституционного интертекста, представленного всеми существовавшими редакциями Конституции России. В данной версии претекста конституционное понятие ГРАЖДАНИН содержательно и функционально соотносится с анализируемым концептом ПОДДАННЫЙ, служившим единицей описания монархического типа правления.

Discussion (Дискуссия)

Учёными были предложены разные точки зрения на сущность интертекстуальности. Так, В. Е. Чернявская представляет интертекстуальность в узком и широком аспекте: в первом случае это прикладное видение интертекстуальности как средства создания текста, без которого возникновение новых текстов невозможно в принципе; во втором это интердискурсивность, то есть текстовое пространство без границ вместе со своим экстралингвистическим окружением, которое пронизано интертекстуальными связями [Чернявская, 1999].

С другой позиции, интертекст рассматривается в виде текста, выполняющего функцию единицы текстообразования и восприятия, которая осуществляет свою задачу с помощью разнонаправленных процессов интериоризации, или движения от внешней деятельности к внутренней и экстериоризации, то есть превращения внутренней деятельности во внешнюю. Первое направление преобразует когнитивное пространство индивида в собственно текстовое, второе же включает это пространство в создаваемые тексты. В данной концепции интертекстуальности одними из основных выступают термины «интертекстуальная энциклопедия», актуализирующая опыт человека, получаемый им при обработке интертекста, и «интертекстуальная компетенция», которая в данном контексте репрезентируется как способность восприятия интертекстов на базе

количественных и качественных характеристик «интертекстуальной энциклопедии» [Петрова, 2013].

Интертекстуальность представляется учёными и как специфический путь кодирования и декодирования смысла интертекста с помощью отсылки к претексту, входящему в тезаурус и автора, и реципиента. При этом он служит для последних основой порождения и восприятия смысла, который объективируется как продукт концептуального взаимодействия ментальных пространств. Вводится понятие интертекстуального тезауруса, или особой формы организации знания в виде совокупности фреймов. Двойная референция как сущность функционирования интертекста является семиотическим механизмом кодирования, реализующим экспрессивность в большей степени и осуществляющим экономию языковых средств. Таким образом, интертекстуальность репрезентирована как вторичная языковая интерпретация, или, другими словами, неконвенциональный вид концептуальной деривации [Кремнева, 2019]. Коммуникация обретает смысл именно при реализации интертекстуальности как интеграции концептов и понятий, что ведёт к переоценке и слиянию данных мыслительных конструкторов [Bullo, 2017].

Интертекстуальность позволяет найти точки пересечения в передаваемых людьми сообщениях как в пределах одной культуры, так и при контакте разных культурных пространств, выполняя функцию источника и средства аккумуляции культурных кодов коллективного разума для его защиты от неблагоприятных факторов, что, например, осуществляется с помощью построения юмористического дискурса [Chłopicki, et al., 2021].

Существует также взгляд на интертекстуальность как на преимущественно диахронический, ретроспективный феномен. Некоторыми исследователями в качестве основополагающих черт интертекстуальности выдвигается интенциональность, или цель воздействия на адресата, на основании чего выделяются интертекстуальные типы: 1. Риторическая интертекстуальность, реализуемая с помощью фигур речи и акцентирующая связь с текстом-источником; 2. Спонтанная интертекстуальность, не применяющая интенционально обусловленных заимствований, направленная на передачу плана содержания текста в другой форме, например, перевода, версификации или прозаизации, аннотации, адаптации, редакции и др.; 3. Криптофорная интертекстуальность, или плагиат, где связь с претекстом и авторство умышленно скрыты. Также интертекстуальность классифицируют, выбирая в качестве критерия тип структуры самих межтекстовых связей. Первый тип таких связей представляется как парциальный, «целое – часть», то есть отношения прецедентного текста и последующего интертекста, заимствующего прецедентную часть. Вторым типом, «миметический», «производящий текст – производный текст» актуализирует имитацию базовых свойств первичного текста его производным, что возникает в результате травестирования (лексического видоизменении) либо при переосмыслении. Интертекстуальные связи различаются не только по своей сути, но и по параметрам: силе, зависящей от наличия ссылки на источник (при наличии ссылки интертекстуальность воспринимается как эксплицитная, в противном

случае – имплицитная), степени известности первичного текста, интертекстуального диссонанса (который создаётся как искусственно, так и естественно), числа объединяющих компонентов и степени точности [Москвин, 2013].

Некоторые учёные представляют интертекстуальность в качестве более узкого понимания прецедентности – если прецедентность касается не только языкового, но и экстралингвистического, то интертекстуальность имеет дело с лингвистическими феноменами. Обусловленные культурной основой, реализуемой ментальными категориями, понятия интертекстуальности и прецедентности тесно связаны с лингвокультурологией [Воркачёв, 2015].

Формулировка термина «прецедентный текст» была произведена Ю.Н. Карауловым с учётом его трёх существенных признаков, актуализирующихся относительно отдельной личности: 1. Значимость для данной личности (в когнитивном и эмоциональном аспекте); 2. Сверхличностность, то есть значимость не только для индивида, но и для его широкого окружения, существовавшего в прошлом и существующего прямо сейчас; 3. Возобновляемость в дискурсе данной личности. Из этих признаков следуют базовые характеристики прецедентных текстов, а именно хрестоматийность (общеизвестность) и реинтерпретируемость. В качестве способов функционирования прецедентных текстов выделяются прямой – непосредственное восприятие, косвенный, представляющий собой трансформирование исходного текста, и семиотический, где исходный текст либо его части объективированы как целостный знак, фигурирующий самостоятельно или только посредством актуализации своих отдельных свойств в последующих текстах, но в обоих случаях вызывающий в сознании человека прецедентное целое полностью [Караулов, 1987].

Интертекстуальность представляется и как составляющая «памяти в тексте», где прецедентные тексты, или претексты служат внешними хранилищами и средствами структуризации для памяти производящего интертекст, а также как часть «памяти текста», где интертекстуальность сама формирует своё внешнее пространство памяти, соотносящееся с другими текстами. Интертекстуальные отсылки при этом функционируют как свидетельство значимости деятельности автора текста [Schmidt, 2017].

Очевидно, что интертекстуальность неизбежно принимается во внимание при переводе. И оригинальный текст, и текст перевода представляют собой интертексты, а значит, интертекстуальные связи должны быть переданы как можно точнее, что требует от переводчика знания прецедентных феноменов культуры языка оригинала [Long, 2020]. Интертекстуальность проявляет себя не только в отношениях между текстом оригинала и текстом перевода, но и в связи между разными версиями перевода одного и того же текста. Учёными, в частности, было выяснено, что первый вариант перевода оказывает значительное влияние на последующие с помощью интертекстуальных связей. [Zhang et al., 2018].

Интертекст рассматривается нами в данном исследовании как знаково оформленный дискурсивный продукт с многообразной референцией и к

фрагментам текстов, и к миру человека, что осуществляется посредством моно- и полиреферентных заимствований, образующих иерархические цитатные комплексы. Будучи результатом культурно-языкового синтеза, он отражает эволюцию концептов, категорий и способов их вербальной репрезентации, (вос)создаваемых национальным лингвокогнитивным сообществом и его членами [Литвиненко, 2008; Литвиненко, 2012].

Конституционный интертекст при рассмотрении со стороны его юридической объективации может быть охарактеризован через экспликацию претекста в облигаторном порядке, наличие требований к имеющейся интертекстуальной компетенции адресата, присутствие межтекстовой и внутритекстовой цитации с целью передачи как формальной, так и содержательной составляющих. Интертекстуальные элементы-цитаты юридического дискурса обладают полифункциональностью: среди ряда функций можно выделить информативную, аргументативную, номинативную, пояснительную, структурирующую, компрессивную, декоративную, акцентирующую и другие. Интертекстуальность в юридическом дискурсе имеет в качестве своей цели логическую и психологическую аргументацию, объективированную в цитатах. В настоящее время некоторые современные учёные выделяют собственно юридические цитаты, нацеленные на построение логического уровня текста и апеллирующие к определённому источнику из числа авторитетных документов, и выразительные цитаты с психологическим воздействием (библейские, художественные и публичные), осуществляемым в выразительно-эмоциональном аспекте для осуществления перлокутивного эффекта [Богатырев, 2015].

Развитие конституционного интертекста как системы знаков, сконструированной обществом, в частности, его юридической составляющей, по мнению современных учёных, обуславливает всё большую инструментализацию закона, касающуюся сфер семиотики, правового дискурса, юриспруденции и правового перевода. Данный процесс обусловлен не только эволюцией самих знаков, но и их переносом из одной среды в другую, а также подверженностью когнитивным процессам распознавания и анализа. Это определяет необходимость в адекватной инкорпорации и модификации этих знаков для адаптирования к новой среде [Wagner, et al., 2020]. Утверждается, что любой текст как интертекст включает в себя множество различных идеологических перспектив, которые мотивируются прагматически посредством коммуникативных целей и выражаются в различных способах использования интертекстуальности, что проявляется в том числе и в юридическом дискурсе [Chaemsaitong et al., 2018].

Со стороны реализации черт политического дискурса конституционный интертекст обладает адресованностью (к массовому и групповому адресату), ритуальностью (констатацией безусловности существующих правил и социальных ролей), информативностью в целях успешной реализации коммуникативной функции и институциональностью, а также стандартностью и некоторой экспрессивностью, оценочностью и диалогичностью, что актуализируется с помощью интертекстуальности. Конституция подлежит

расшифровке специалистами, так как её дискурс в полном объёме может быть понятен только данному кругу лиц, но одновременно с этим он общедоступен [Чудинов, 2012]. Языковое сообщество объединяется в целое в том числе с помощью политических импликатур и коннотаций, актуализированных в интертекстуальных отсылках, которые распознаются и принимаются участниками данного сообщества [Nguyen, 2021].

Results (Результаты)

В российском конституционном интертексте специальное понятие ПОДДАННЫЙ было представлено только одной моделью лингвокогнитивной структуры, так как прекращение действия монархического строя обусловило остановку её эволюции. Понятия этой структуры, репрезентированные гипонимами, образуют внутри сформированного класса комплексную систему, ориентированную на прототип, характеризующийся поликомпонентным ядерным признаком «право состояния», который сопряжен с «элитарностью» общественного класса и «родом деятельности» субъекта и соотносится с двумя привилегированными типами российских подданных, образующих дворянское сословие.

Первый элемент, входящий в ядро структуры, — это ПОДДАННЫЙ₁, единственный репрезентант которого есть «потомственный дворянин». Он имеет прототипический сигнификат, представляющий всю полноту прав и обязанностей: «невозможность лишения жизни и сословных прав без суда», «вынесение приговора по судебному делу в отношении лица императором», «невозможность лишения имени без суда», «право поступления на государственную службу», «преимущества при поступлении на государственную службу и льготы при её прохождении» и др. Другой элемент, входящий в понятийное ядро, но находящийся ближе к околядерной зоне, есть ПОДДАННЫЙ_{1a}, который также представлен единственным репрезентантом «Личный дворянин». Сигнификат данного элемента структуры, по большей части, совпадает с эталонным, но без малого количества признаков: «право обращаться с ходатайствами к императору», «право обращаться с ходатайствами к правительству», «присутствие на дворянских собраниях», «возможность передачи своего права состояния родственникам» и т. п.

Околядерный кластер данной когнитивной структуры занят несколькими компонентами. Один из них — это ПОДДАННЫЙ₂, репрезентантом которого является «представитель белого православного духовенства». ПОДДАННЫЙ₂ обладает большинством ядерных сигнификативных признаков, но без существенной части. Специфический сигнификат данного элемента характеризуется наличием таких прав и обязанностей, как «свобода от воинской повинности», «подсудность духовному суду», «освобождение от денежных повинностей». Кроме того, у ПОДДАННЫЙ₂ видоизменён признак «возможность передачи своего права состояния потомству»: в данном случае он модифицирован как «получение близкими родственниками привилегированного права состояния». Другим представителем околядерного сегмента является элемент ПОДДАННЫЙ_{2a},

репрезентантом которого является «представитель монашеского духовенства». Этот элемент располагается ближе к периферийной зоне, поскольку несмотря на совпадение значительной части его сигнификата с сингфикатом ПОДДАННЫЙ₂, у него изымается дополнительный набор признаков: «владение движимым и недвижимым имуществом», «получение близкими родственниками привилегированного права состояния», «торговля» и др.

Еще один элемент околядерного кластера – ПОДДАННЫЙ₃, репрезентантом выступает «потомственный почетный гражданин». Его сигнификат схож с набором сигнификативных признаков ПОДДАННЫЙ₂, но без специфических для него прав и обязанностей. В его понятийную структуру, однако, вновь включаются некоторые признаки ядерного сигнификата. Близким по своей семантической структуре может быть признан элемент околядерной зоны ПОДДАННЫЙ_{3а}, актуализируемый с помощью репрезентанта «личный почетный гражданин». Его набор сигнификативных элементов аналогичен сигнификату референта ПОДДАННЫЙ₃, но с элиминацией признака «передача своего сословия потомству».

Следующий сегмент околядерной зоны представлен элементом ПОДДАННЫЙ₄, объективированным репрезентантом «купец первой гильдии». Его сигнификат сходен с набором признаков ПОДДАННЫЙ₃, где элиминированы специфические для последнего признаки, но добавлены другие, особые для данного референта элементы сигнификата (право после 12 - летнего пребывания в первой гильдии на звание советников коммерции и мануфактур, право обращаться через городского голову или биржевые комитеты к министру финансов с представлением в особых случаях, возможность обладания купеческими и промысловыми свидетельствами), а также некоторые из эталонных признаков.

Элемент околядерного сегмента ПОДДАННЫЙ_{4а} репрезентирован именем «купец второй гильдии» и имеет сигнификат, аналогичный ПОДДАННЫЙ₄, при отсутствии ряда признаков: «право носить мундир той губернии, находится имение или где записано лицо», «право приезда к Императорскому Двору (только мужчины)», «право после 12 - летнего пребывания в первой гильдии на звание советников коммерции и мануфактур», «право обращаться через городского голову или биржевые комитеты к министру финансов с представлением в особых случаях».

В периферию когнитивной структуры ПОДДАННЫЙ входит элемент ПОДДАННЫЙ₅, с репрезентантами «мещанин» и «цеховой». Его сигнификат сходен с набором признаков элемента околядерной зоны ПОДДАННЫЙ₃, однако у ПОДДАННЫЙ₅ отсутствуют специфические для последнего признаки и прототипический признак «право поступления на государственную службу». Также положение в ближней периферии занимает элемент ПОДДАННЫЙ₆, актуализированный репрезентантом «сельский обыватель». Сигнификат данного элемента, по сравнению с другим членом ближней периферии ПОДДАННЫЙ₅, приобретает специфические признаки «подчинение местным обычаям», «подсудность особым судам».

Еще один представитель данного сегмента – это элемент ПОДДАННЫЙ₇, терминологически выделенный в тексте этническим репрезентантом «оседлый инородец». В зависимости от места проживания субъекта, к которому осуществляется референция, сигнификат ПОДДАННЫЙ₇ совпадает с сигнификатами ПОДДАННЫЙ₅ или ПОДДАННЫЙ₆, добавляя к ним признак периферийной национальной принадлежности.

Вместе с тем, периферийное положение занимает элемент ПОДДАННЫЙ_{7а}, поскольку у него появляются особые сигнификативные признаки «право на автономию земли» (обусловлено тем, что русским нельзя было селиться на землях, где обитали инородцы), «управление согласно местным обычаям», «обязанность содержать за свой счет органы инородческого управления». В остальном их сигнификат сходен с набором признаков элемента ПОДДАННЫЙ₆. Вместе с описанным референтом периферию занимает её член ПОДДАННЫЙ_{7б}, объективированный репрезентантом «бродячий инородец», у которого, по сравнению с ПОДДАННЫЙ_{7а}, элиминируются «право на автономию земли» и «обязанность содержать за свой счет органы инородческого управления».

Также к периферии можно отнести элемент ПОДДАННЫЙ₈, который включает репрезентант «евреи». Евреи могли принадлежать к городским обывателям, сельским обывателям или купцам, а значит, большинство признаков элемента ПОДДАННЫЙ₈ варьируется, имея значительное сходство с сигнификатами ПОДДАННЫЙ₅, ПОДДАННЫЙ₆, ПОДДАННЫЙ₄ и ПОДДАННЫЙ_{4а}. Однако, ряд специфических компонентов сигнификата ПОДДАННЫЙ₈ свидетельствуют о его принадлежности к периферии (отсутствие свободы передвижения, запрет носить особую одежду, запрет на приобретение, аренду или заклад недвижимости вне места проживания, запрет селиться вновь на расстоянии 50 верст от границы и др.). Крайняя периферия заполнена элементами ПОДДАННЫЙ₉, репрезентантом которого является «судимый» и ПОДДАННЫЙ₁₀, репрезентант которого есть «недееспособный». Данные элементы обладают минимально возможным набором прототипических признаков, так как референты, к которым отсылают данные периферийные элементы, лишались всех прав состояния.

Также представляется возможным выделить отдельные элементы периферии, выбранные по гендерному, этническому принципу и возрастному цензу: ПОДДАННЫЙ₁₁, ПОДДАННЫЙ₁₂, и ПОДДАННЫЙ₁₃, относящиеся, соответственно, к референтам «женщина», «финляндский обыватель» и «несовершеннолетний» с элиминацией некоторых признаков. Однако, за этим исключением ПОДДАННЫЙ₉, ПОДДАННЫЙ₁₀ и ПОДДАННЫЙ₁₁, могут иметь вариативный сигнификат, соотносимый с каждым из упомянутых выше элементов структуры.

Conclusion (Заключение)

Исходя из вышесказанного, понятийная структура ПОДДАННЫЙ, подразделяется на три кластера, репрезентирующих три лексических значения термина «подданный»:

1. Субъект, обладающий максимальным количеством возможных привилегий, представитель элиты, высшего привилегированного сословия. (Репрезентанты 1, 1а).

2. Субъект, обладающий большинством возможных привилегий, представитель привилегированного сословия. Имеются три варианта значения: представитель духовенства, почетный гражданин и купец (Репрезентанты 2, 2а, 3, 3а, 4, 4а).

3. Субъект, принадлежащий к непривилегированному сословию, обладающий небольшим количеством прав. Варианты данного значения: субъект, ведущий образ жизни ординарного городского или сельского жителя (Репрезентанты 5, 6, 7); субъект с иной национальной принадлежностью, проживающий на территории Российской Империи (Репрезентанты 7а, 7б, 8); субъект без возможности реализации большинства прав, за исключением базового минимума (Репрезентанты 9, 10); субъект, лишенный части привилегий с вариативным спектром оставшихся прав (Репрезентанты 11, 12, 13).

Термин «подданный», таким образом, предстает как многозначный, что позволяет представить его как гипероним для каждого отдельно взятого элемента структуры понятия ПОДДАННЫЙ или гипонима, характеризующегося своим собственным набором сигнификативных признаков. Единственным признаком, связывающим все варианты значения, является «подчинение монарху», тем не менее, словарная дефиниция иллюстрирует насущность данного семантического компонента. В остальном состав категориальной структуры совершенно неоднороден. Разница в значении когипонимов состоит, по большей части, в количестве сем, обозначающих права и род деятельности, за исключением обозначающих неотчуждаемые признаки (судимость, недееспособность, гендер, несовершеннолетие, национальность), влияющие на реализацию прав и обязанностей.

Библиографический список

Богатырёв, А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Богатырёв. Волгоград, 2016. 168 с.

Болдырев, Н. Н. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа // Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Изд. 2-е, стереотипное. Тамбов. Изд-во Тамб. Ун-та, 2001. С. 66-84.

Воркачёв, С. Г. «Что в имени тебе моём?»: от интертекста к лингвокультурному концепту // Язык, коммуникация и социальная среда. 2015. № 13. С. 27-50.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб: Типография М. О. Вольфа, 1882. Т. 3. 582 с.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. 263 с.

Кративкина, О. А., Непомилов, Л. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. №9. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 23.06.2021).

Кремнева, А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект: на материале английского языка: дис....доктора филол. наук: 10.02.04. / А. В. Кремнёва. Барнаул, 2019. 378 с.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Литвиненко, Т. Е. Интертекст и его лингвистические основы: дис....доктора филол. наук: 10.02.19 / Т. Е. Литвиненко. Иркутск, 2008. 311 с.

Литвиненко, Т. Е. Латиноамериканский конституционный интертекст в свете проблем кодификации специальной лексики языка // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллект. моногр / Е. Ф. Серебренникова [и др.] / Отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 262-280.

Литвиненко, Т. Е. Конституция как интертекст // Вестник ИГЛУ. 2012. №1 (17). С. 76-81.

Москвин, В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6(81). С. 54-61.

Петрова, Н. В., Егорова, М. А. К проблеме соотношения понятий «Текст» и «Интертекст» // Вестник ИрГТУ. 2013. №7 (78). С. 303-306.

Свод основных законов Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (дата обращения: 21.06.2021).

Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.

Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53–59.

Bullo, S. Investigating intertextuality and interdiscursivity in evaluation: the case of conceptual blending. *Language and Cognition*. 2017. Vol. 9. No 4. P. 709-727. doi: 10.1017/langcog.2017.5.

Chaemsaihong K., Kim, Y. From narration to argumentation: Intertextuality in two courtroom genres. *Lingua*. 2018. Vol. 203. P. 36-50. doi: 10.1016/j.lingua.2017.10.003.

Chłopicki, W., Brzozowska, D. Sophisticated humor against COVID-19: the Polish case. *Humor*. 2021. Vol. 34. No 2 2021. P. 201-227. doi: 10.1515/humor-2021-0015.

Lakoff, J. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Long, Y., Yu, G. Intertextuality Theory and Translation. *Theory and Practice in Language Studies*. 2020. Vol. 10. No. 9. P. 1106-1110. doi: 10.17507/tpls.1009.14

Nguyen, N. "This is similar to Vincent Chin": Intertextuality, referring expressions, and the discursive construction of Asian American activist identities in an online messaging community. *Discourse & Society*. 2021. Vol. 32. No 1. P. 98–118. doi: 10.1177/0957926520961632

Rosch, E. Cognitive representations of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology: General*. 1975. Vol. 104. P. 192–233.

Schmidt, P. The World is One Never Ending Reference': Intertextuality and Memory in Cees Nooteboom's *Het volgende verhaal*. *Dutch Crossing-Journal of Low Countries Studies*. 2017. Vol. 41, No 1. P. 44-56. doi: 10.1080/03096564.2016.1139781

Wagner, A, Matulewska, A. Instrumentalization of law as a socially constituted sign-system. *International Journal of Legal Discourse*. 2020. Vol. 5, No 2. P. 127–130. doi: 10.1515/ijld-2020-2041

Zhang, HY., Ma, HJ. Intertextuality in retranslation. *Perspectives-Studies in Translation Theory and Practice*. 2018. Vol. 26. No 4. P. 576-592. doi: 10.1080/0907676x.2018.1448875.

References

Bogatyryov, A. V. (2016). Funkcionirovanie figur interteksta v sovremennom juridicheskom diskurse [Functions of the intertext figures in the modern legal discourse]: dis. ... cand. philol. sciences. Volgograd. 168 p. (in Russian).

Boldyrev, N. N. (2001). Prototipičeskij podhod k formirovaniju kategorij. Ponjatje prototipa [Prototypical approach to category formation. The notion of prototype]. From: Kognitivnaja semantika: Kurs lekcij po anglijskoj filologiji [Cognitive semantics: a course of lectures in English Philology]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ: 66–84. (in Russian).

Bullo, S. (2017). Investigating intertextuality and interdiscursivity in evaluation: the case of conceptual blending. *Language and Cognition*. №9, 4: 709-727. DOI: 10.1017/langcog.2017.5.

Chaemsaitong K., Kim, Y. (2018). From narration to argumentation: Intertextuality in two court-room genres. *Lingua*. №203: 36-50. DOI: 10.1016/j.lingua.2017.10.003.

Chernjavskaja, V. E. (2009). Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. [Linguistics of the text: Polycodity. Intertextuality. Interdiscursivity]. M.: LIBROKOM Publ. 248 p. (in Russian).

Chłopicki, W., Brzozowska, D. (2021). Sophisticated humor against COVID-19: the Polish case. *Humor*. №34, 2: 201-227. DOI: 10.1515/humor-2021-0015

Chudinov, A. P. (2012). Diskursivnye karakteristiki političeskoj komunikacii [Discursive Characteristics of Political Communication]. *Političeskaja lingvistika* [Political Linguistics]. №2 (40): 53-59. (in Russian.)

Dal', V. I. (1882). Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: In 4 vol. Saint-Petersburg; M. O. Wolf Publ. Vol. 3. 582 pp. (in Russian).

Karaulov, Ju.N. (1987). Russkij jazyk i jazykovaja ličnost' [The Russian Language and linguistic personality]. Ed. by D. N. Shmelev. M.: Nauka [Nauka Publ.]. 263 p. (in Russian).

Krapivkina, O. A., Nepomilov, L. A. (2014). Juridičeskij diskurs: ponjatje, funkcii, svojstva [Legal Discourse: Concept, Functions, Properties]. *Gumanitarnye nauchnye issledovanija*. [Humanities scientific researches]. №9. [Electronic Resource]. URL: <https://human.snauka.ru/2014/09/7855> (Accessed 23.06.2021) (in Russian).

Kremneva, A. V. (2019). Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodejstvija: kognitivno-semiotičeskij aspekt: na materiale anglijskogo jazyka [Intertextuality as a form of text interaction: cognitive-semantic aspect: based on the material of the English language]: dis....doktor of philol. sciences. Barnaul. 378 p. (in Russian).

Kubriakova, E. S. (2004). Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znaniy o jazyke: Chasti reči s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. [Language and knowledge. On the way of the getting knowledge of language. The parts of speech from the cognitive perspective. The role of language in the world cognition]. Russian Academy of sciences. Institute of Linguistics. Moscow.: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. 560 p. (in Russian).

Lakoff, J. (1987). Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: University of Chicago Press. 614 p.

Litvinenko, T. E. (2008). Intertekst i ego lingvističeskie osnovy [Intertext and its linguistic basis]: dis....doktor of philol. sciences. Irkutsk. 311 p. (in Russian).

Litvinenko, T. E. (2011). Latinoamerikanskij konstitucionnyj intertekst v svete problem kodifikacii special'noj leksiki jazyka [Latinoamerican Constitutional Intertext in the Aspect of the Codification of the Specific Language Vocabulary]. From: Lingvistika i aksiologija: jetnosemiometrija cennostnyh smyslov: kollekt. monogr [Linguistics and axiology: the ethnosemiometry of value senses]. Ed. by L.G.Vikulova. Moscow, TEZAVURUS Publ: 262–280. (in Russian).

Litvinenko, T. E. (2012). Konstitucija kak intertekst [Constitution as an Intertext]. *Vestnik IGLU* [The ISLU Philological Review]. №1(17): 76–81. (in Russian).

Long, Y., Yu, G. (2020). Intertextuality Theory and Translation. *Theory and Practice in Language Studies*. №10, 9: 1106-1110.

Moskvin, V. P. (2013). Intertekstual'nost': kategorial'nyj apparat i tipologija [Intertextuality: category apparatus and typology]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]. №6(81): pp. 54–61. (in Russian).

Nguyen, NM. (2021). "This is similar to Vincent Chin": Intertextuality, referring expressions, and the discursive construction of Asian American activist identities in an online messaging community. *Discourse & Society*. №32, 1: 98-118. DOI: 10.1177/0957926520961632.

Petrova, N. V., Egorova, M. A. (2013). K probleme sootnoshenija ponjatij «Tekst» i «Inter-tekst» [To Correlation of "Text" And "Intertext" Notions]. *Vestnik IrGTU* [Proceedings of Irkutsk State Technical University]. №7 (78): 303–306. (in Russian).

Rosch, E. (1975). Cognitive representations of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology*. №104: 192-233.

Schmidt, P. (2017). The World is One Never Ending Reference!: Intertextuality and Memory in Cees Nooteboom's *Het volgende verhaal*. *Dutch Crossing-Journal of Low Countries Studies*. №41, 1: 44-56. DOI: 10.1080/03096564.2016.1139781.

Svod osnovnyh zakonov imperii [The Fundamental Laws of the Russian Empire] [Electronic Resource]: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> (accessed: 21.06.2021) (in Russian).

Vorkachjov, S.G. (2015). «Chto v imeni tebe mojom?»: ot interteksta k lingvokul'turnomu kon-ceptu [«What's in a Name?» From Intertext to the Linguistic Cultural Concept]. *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda* [Language, Communication and Social Enviroment]. №13: 27-50. (in Russian).

Wagner, A, Matulewska, A. (2020). Instrumentalization of law as a socially constituted sign-system. *International Journal of Legal Discourse*. №5, 2: 127-130. DOI: 10.1515/ijld-2020-2041.

Zhang, HY, Ma, HJ. (2018). Intertextuality in retranslation. *Perspectives-Studies in Translation Theory and Practice*. №26, 4: 576-592 DOI: 10.1080/0907676X.2018.1448875].